

А. А. АЛЕКСЕЕВ

По поводу статьи Г. Г. Ланта «Еще раз о мнимых переводах в Древней Руси»

В статье затронуто четыре вопроса, на которые я постараюсь дать ответы.

1. О соотношении славянской и зарубежной славистики. Зарубежная славистика в гораздо большей степени связана с преподаванием, поэтому чаще стремится к ясным ответам на сложные вопросы. Профессорам славистики в зарубежных университетах приходится заниматься проблемами всех славянских языков и культур, так что они выигрывают в широте и лучше маневрируют на поле типологических обобщений. Менять это соотношение невозможно, следует извлекать из него взаимную пользу. То, что в среде зарубежных славистов нечасто можно наблюдать стремление к всестороннему охвату проблем отдельной славянской культуры, вполне понятно; это обстоятельство не может быть поставлено в упрек. Но претензия на право вершить высший суд ведет к самообольщению.

2. Проф. Лант решительно искажает положения моей работы «Кое-что о переводах в Древней Руси».¹ Я говорю, что принципиальной ошибкой Фр. Дж. Томсона было игнорирование исследований по данной теме, вышедших после А. И. Соболевского, особенно дискуссии вокруг Хроники Георгия Амартола в 20-е гг. (С. 281—282), проф. Лант приписывает мне позицию «так сказал Соболевский». О «методе Соболевского» говорить не приходится, его не было; но начитанность Алексея Ивановича в древних славянских текстах была так велика, что нужно с полной серьезностью относиться к его даже беглым наблюдениям. Я берусь утверждать, что широкая начитанность является неперменным условием успешной исследовательской работы. Проф. Лант намекает на то, что самостоятельно исследовал все предполагаемые восточнославянские переводы и в ходе этого исследования пришел к отрицательному выводу о возможности переводов у восточных славян. Однако публикаций на эту тему у проф. Ланта не было, так что его утверждение остается *argumentum ad hominem*. Опубликованные Фр. Дж. Томсоном суждения по отдельным произведениям письменности не являются результатом самостоятельных исследований, это весьма бегло обоснованные мнения о доказанности того или иного постулата в отношении того или иного текста; именно этот метод, более свойственный публицистике, чем науке, и вызвал мою

¹ ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 278—295. Далее ссылки в тексте с указанием страниц.

критику. Проф. Лант думает, что такие обзоры полезны для западного читателя. Я так не думаю, потому что вижу, что эссе Фр. Дж. Томсона тенденциозно, и стремлюсь своей критикой выявить эту тенденциозность.

Далее, я говорю, что не интерпретация летописной статьи 1037 г. дает нам ключ к пониманию ситуации (С. 295), а изучение источников, но проф. Лант утверждает, что на статье 1037 г. основана моя вера в то, что Древняя Русь переводила с греческого. Проф. Лант ясно излагает подоплеку своей работы 1988 г.:² обнаружив, что ни один из текстов в списке А. И. Соболевского не может быть признан восточнославянским по своему происхождению, он понял, что заблуждение коллег из России связано с верой в летопись. Но сделанный проф. Лантом для себя разбор этих текстов не может казаться убедительным, раз мы с ним не знакомы, так что я по-прежнему настаиваю на том, что не интерпретация статьи 1037 г. ведет к истине, к ней ведет изучение рукописного материала. Стоит взять, с одной стороны, работу Н. А. Мещерского о переводе «Иудейской войны» (1958), исследование А. М. Молдована о Житии Андрея Юродивого (1994), статью К. А. Максимовича «К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Пандекта Никона Черногорца», статью А. А. Пихчадзе «Языковые особенности древнерусских переводов с греческого» (две последние работы опубликованы в книге: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. М., 1998), а с другой стороны, обсуждаемую статью Фр. Дж. Томсона, чтобы увидеть, что позитивным научным исследованиям противопоставлены манифест и декларация, а вовсе не научный обзор того уровня, какого заслуживает проблема.

Я хочу обратить внимание на то, что Фр. Дж. Томсон совсем иначе пересказал работу 1988 г., чем это сделал сам автор сегодня. Именно Фр. Дж. Томсон разыскал запрятанный проф. Лантом в примечание вывод о том, что в Киеве была проведена транслитерация южнославянских текстов из глаголицы в кириллицу,³ — вывод, который защитить невозможно. Зачем одному было делать такой вывод, а другому его принимать?

3. Проф. Лант возвращается к полемике по поводу толкового перевода Песни песней. Все позитивное, что было в его рецензии 1985 г.,⁴ я использовал для публикации 1988 г., о чем и сообщил печатно,⁵ роли текстологии и историко-литературных фактов в поисках архетипа я посвятил отдельную работу.⁶ Разве этого недостаточно? Я не могу согласиться с мнением проф. Ланта, что этот перевод Песни сделан в Болгарии X в. Исследователь выдвигает свою точку зрения, критик оценивает, насколько исследователю удалось доказать свою позицию. Вывод проф. Ланта должен располагаться в пределах «доказано—не доказано»; выдвигая собственную точку зрения на материал, следует потрудиться и провести собственное исследование.

4. О книге Есфирь. В статье М. Альтбауэра и М. Таубе 1984 г.⁷ вот что сказано о происхождении текста: славянский оригинал not Russian

² Lunt H. G. On Interpreting the Russian Primary Chronicle: the Year 1073 // *Slavic and East European Journal*. 1988. Vol. 32.

³ Thomson F. J. «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // *Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland. 988—1988*. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 306.

⁴ Lunt H. G. The Old Church Slavonic Song of Songs: one translation or two? // *Die Welt der Slaven*. 1985. Bd. 30, N 2. S. 279—318.

⁵ Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в // *ТОДРЛ*. Л., 1988. Т. 41. С. 190.

⁶ Alexeev A. A. Der Stellenwert der Textologie bei der Erforschung altkirchenslavischer Übersetzungstexte // *Die Welt der Slaven*. 1986. Bd. 31, N 2. S. 415—438.

⁷ Altbauer M., Taube M. The Slavonic Book of Esther: When, Where and from What Language Was It Translated? // *Harvard Ukrainian Studies*. 1984. Vol. 8.

(Р. 307), South Slavic (Slovene) (Р. 308), South Slavic, typical of Serbo-Croatian (Р. 319). В послесловии редактора к этой публикации проф. Лант полностью поддерживает положения авторов (Р. 320). В публикации М. Альтбауэра одного из списков Есфири также сказано о южнославянском происхождении текста.⁸ После моей критики сербской гипотезы⁹ вышла статья Г. Г. Ланта и М. Таубе, в которой нет ни слова о южнославянском происхождении Есфири,¹⁰ зато в примечаниях сделаны попытки переложить вину с большой головы на здоровую и приписать это мнение моему неправильному прочтению статьи М. Альтбауэра и М. Таубе. Ср. примеч. 15: «Алексеев ошибочно полагает, что мы думаем, что греческий оригинал с необходимостью предполагает южнославянского переводчика»; примеч. 27: «Алексеев, как кажется, думает, что вопрос заключается в том, был ли переводчик южным или восточным славянином. Нам этот подход не понятен». В дальнейшем Г. Г. Лант и М. Таубе перенесли обсуждение вопроса на такую почву, где можно не затруднять себя славистическими доказательствами, так что вернулись к южнославянской версии. В их новой статье без каких-либо доводов говорится следующее: «Лингвистические и филологические свидетельства позволяют нам заключить, что славянский текст Есфири должен был существовать до 1300 г. <...> Маловероятно, чтобы перевод появился на Руси около 1037 г. <...> Нельзя исключить Болгарию или Сербию XIII века».¹¹

Между тем именно на Балканах существовала та еврейская среда, которая, как кажется, использовала греческие тексты Св. Писания в религиозных целях. Все трое моих оппонентов стремятся доказать, что перевод Есфири был сделан не с еврейского оригинала, а с какой-то несохранившейся греческой версии иудейского происхождения и бытования. Поэтому тезисы о греческом оригинале и южнославянском происхождении Есфири взаимосвязанны. Но доказать южнославянское происхождение текста невозможно ввиду наличия исключительно ярких восточнославянских элементов в нем.

Безусловно, основой научной работы является исследование. Некоторые вопросы кажутся неразрешимыми только оттого, что неизвестны или неисследованы относящиеся к ним документы. Однако и дискуссиям следует воздать должное, ибо они являются стимулятором исследования. Кроме того, профессиональная критика способна выявить ошибки и освободить читателя от иногда немислимых проверок обсуждаемых фактов. Например, у проф. Ланта был случай указать на одну допущенную мною фактическую ошибку, когда я заявил, что в работе Фр. Дж. Томсона 1978 г. впервые в нашей науке дана правильная характеристика славянской переводной письменности: за первые три столетия была переведена средняя монастырская библиотека (С. 291). Недавно я обнаружил, что и этот вывод, и способ, каким он получен, заимствованы из работ Георгия Федотова, сравнительно мало, к сожалению, известных в России,

⁸ Altbauer M. The «Vilnius» Version of the Oldest Russian Translation of the Book of Esther (Vilnius Codex 52). Jerusalem, 1988. Preface.

⁹ Алексеев А. А. Переводы с еврейских оригиналов в Древней Руси // Russian Linguistics. 1988. Vol. 11.

¹⁰ Lunt H. G., Taube M. Early East Slavic Translations from Hebrew? // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12.

¹¹ Lunt H. G., Taube M. The Slavonic book of Esther: translation from Hebrew or evidence for a lost Greek text? // Harvard Theological Review. 1994. Vol. 87/3. P. 362. Должен признаться, что тон и способ, каким упомянуты в данной публикации мои работы (примеч. 24), выходят за рамки научной этики.

но получивших значительное распространение и влияние в зарубежной славистике.¹² По-видимому, из-за последнего обстоятельства Фр. Дж. Томсону показалось излишним ссылаться на Г. Федотова,¹³ что и ввело меня в заблуждение. Я пользуюсь случаем, чтобы исправить собственную ошибку.

Это невнимание к действительным упущениям, с одной стороны, и предвзятый критицизм — с другой заставляют думать, что настоящей целью проф. Ланта является не столько истина, сколько желание во что бы то ни стало остаться победителем. Потому вместо дискуссии у нас получаются препирательства. Проф. Лант не заметил поднятых мною в 1993 г. вопросов,¹⁴ иначе спор мог бы выйти более содержательным.

¹² Fedotov G. P. *The Russian Religious Mind. Vol. 1. Kievan Christianity: The 10th to the 13th Century.* Belmont, 1975. P. 47. Впервые эти мысли были высказаны Г. П. Федотовым, как кажется, в 1946 г.

¹³ Thomson F. J. *The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implication for Russian Culture* // *Slavica Gandensia*. 1978. Vol. 5. P. 117.

¹⁴ Алексеев А. А. Русско-еврейские литературные связи до 15 века // *Jews and Slaves*. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. Vol. 1.